

Анатолий Ольхон

БАЙКАЛ

СТИХИ И ПОЭМЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1945

Анатолий Ольхон

БАЙКАЛ

СТИХИ И ПОЭМЫ

1944

Советский писатель
Москва 1945

г. Иркутск

СТИХИ О СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ

СОЛДАТСКИЕ ПРОВОДЫ

1

В колхозном клубе празднично.
Над входом —
Пушистые гирлянды, запах елки и флажки
Из темной зелени вздымают гребешки,
Как птицы,
Голубые и красные...

Высоким небосводом
Проходит солнце.
Влажный ветерок
Доносит в клуб певучий гром прибоя.

А в зале пусто.
Виден каждый уголок.
Мы с председателем остались двое.
Оглядываемся кругом:
Как будто все в порядке,
И мы оценивать убранство не спешим...

Полы, промытые с песком, светлы и гладки,
Зал кажется нарядным и большим:

Гирлянды, самодельные плакаты и портреты;
Над сценой лозунг — молнией прошел.
Девической заботою согреты
Осенние цветы на окнах.
Хорошо!

2

Мы украшали с девушками вместе
Колхозный клуб всю ночь,
А на заре
Они ушли —
Подруги и невесты.
И слышно было, песни пели во дворе:
Байкальские задумчивые песни
О милых, о разлуке, о любви...

А в зале, видел я, как Таня Беломестных
Тихонько плакала,
И взгляд ее ловил —
Украдкой —
Моего приятеля, Никиту,
Сердечную зазнобушку ее.

Но парень что-то хмурился сердито
И председателю расхваливал армейское житье.
Тот терпеливо слушал-слушал,
Потом Никиту подтолкнул плечом
И вымолвил вполголоса:
— Хвастуша,

Ты думаешь, тебя на фронте калачом
Накормят с медом?
Друг любезный,
В солдатах — боевая будет жись.
Отведаешь ее — назад придешь железный,
Также нам и надобны..
Ну, а теперь катись!
Подумаешь, какой герой, стоит и брешет,
А что, зачем — и сам не разберет..
Пошел бы лучше девушку утешить,
У самого, чай, на сердце скребет.

Душевный человек наш председатель.
Никита, видно, понял, покраснел,
Вздыхнул о чем-то мой приятель
И незаметно к девушкам подсел.

А Тая в это время украшала
Гирляндой листьев
Сталинский портрет,
И полутьма увидеть помешала —
Проплакалась девчина или нет.
Но, я уверен, Сталин бы Ташошу
За девичью слезу не осудил,
Он понял бы мятущуюся душу —
Сомнений и надежды юный пыл.

Да, счастлив тот, кто чувства не утратил,
Чьи страсти движут мысли и дела.

И если слезы, стоит ли скрывать их?
Ведь их любовь и молодость дада,
Ведь тот, кто плачет, радоваться может.
И пусть его сомнение тревожит —
Для равнодушных будущего нет.

3

Обычаи советского Байкала
В колхозе нашем крепко прижились.

В моем календаре переплелись
Все праздники, в которых ликовала,
Торжеств своих от мира не тая,
Приветливая родина моя:
День Октября, и солнце Первомай,
И Новый год, и первый сетестав,
Когда гудит путина штормовая...

Чудесна жизнь! Чудесна и проста!
Прекрасны труд, и отдых, и забавы:
Веселье наших зимних вечериц,
Лихой задор охотничьей облавы,
Могучий ход стахановских путин,
Под парусом мальчишеская гонка,
Соревнование в починке пегодов,
Ремонт снастей, моторов и судов...
Шумит-живет родная сторона.

Пусть здравствует и славится она,
И праздники и будни отмечая,
Год от году мужая и крепчая,
Детьми своими верными сильна.

4

Осепший праздник нашего колхоза —
День проводов призывников.
Который год
Так повелось,
Сейчас и не упомяну...

На березах
В ту пору — листья желтые, как мед,
Утрами по низинам первый иней,
И всех куда-то тянет далеко,
Должно быть, вслед за птицами...
Байкал прозрачно-синий
И синие над ним полосы облаков.

В рыбацких хатах всюду оживленье,
Тревога материнская растет.
Призывники давно уж в нетерпенье,
Как птицы, приготовились в отлет,
Побритые, приглаженные ходят.

А грудь у каждого — пу, целый арсенал!
Каких значков ребята не находят.

Я у дружка Никиты их пересчитал:
Он с честью носит знак — «парашютист»,
Имеет ГТО, как говорят, «на две ступени»,
Он ворошиловский стрелок и альпинист,—
Ну, это все, конечно, без сомнений:

Я с ним охотился и знаю. Но когда,
Когда
Успел он стать кавалеристом? Непонятно!
Я усомнился.

Вышла целая беда:
Мне подозренье взять пришлось обратно.
Никита обозвал меня: «Отсталый элемент»
И объяснил,
Что именно за этим
(Мне был с усмешкою показан документ)
Он в Баргузин и езды нынче летом:
Сдал нормы на «кавалериста», две подряд...

Да, мне пришлось постыдно извиняться!
А, впрочем, я товарищески рад:
Люблю Никиту, надо вам признаться...

5

Таких парней мы провожаем каждый год.
Таким уж, видно, и такое счастье —
Берут их только или в Красный флот,
Или в пехоту, в снайперские части.

За десять лет — бракованных одиш:
Стыда от вас не скрою, это я!
Военный доктор, страшный гражданин,
Порок нашел сердечный у меня.
Я пробовал ошибку доказать:
Позвольте, мол, товарищ, я здоров,
Так он не стал со мною рассуждать,—
Не переспоришь наших докторов.

Обида на меня свалилась вдруг —
Охотника забраковали,
Вот, позор!
Я помню, как на пункте политрук
Завел со мною мудрый разговор:

— В тылу-де тоже люди нам нужны,
Работайте да сердце берегите...
Тогда я промолчал.
Но в грозный час войны,
Товарищ политрук, хотите, не хотите —
Явлюсь и без повестки.
Пусть в обоз,
Пусть кашеваром,
Но поближе к бою.
Я тоже ведь хочу, чтоб мой колхоз
И мой отец
Могли гордиться мною...

Семь лет прошло.
Все чаще сердце бьет.

Подростки на глазах моих мужают.
Друзей, идущих в армию, во флот,
Я каждый год с тоскою провожаю.
Я им завидую..
Хотя и у меня
Есть ворошиловский значок,
И по мишеням
Дистанцию предельного огня
Беру я стоя, лежа и с колена,
Но... все не то —
Не то, о чем мечталось.

Судьбы своей никак не избежать.
Одна лишь мне забота и осталась —
Друзей в поход военный провожать...

6

Задумчивость нарушил председатель:
— Ты что же, — говорит он, — задремал?
Часы не ждут, дремать теперь некстати.
Покажем-ка, чем славится Байкал!..

Два знамени скрестили мы над сценой.
И правда —
Нашу славу видим мы.
Одно — широкое — малиновое пеной
Сверкнуло в золоте кистей и бахромы.

Почетная награда вам знакома?
Отмечен ею
Победивший труд;
От имени райисполкома
За первенство ее передают.
Переходящим знаменем мы горды.
В колхозе нашем третий год
Гостит переходящая награда.
Руки тверды:
Надеемся, и дальше не уйдет.

...Из шелковой рубахи кто-то спил
Второе знамя — ветхое, с заплатой.
Неведомый таежный старожил
Его украсил надписью крылатой:
«За Власть Советов».
Пулями насквозь
Полотнище пробито не однажды;
Оно когда-то бурей рвалось
Над головами верных и отважных
Байкальцев —
Легендарных партизан.
С ним деды шли к великому походу
Через снега, огонь и ураган
И принесли нам славу и свободу.
Два знамени скрестили мы любовно.
Для всех они сегодня на виду:
Могучая народная готовность
Идущих к обороне и к труду.

День проводов пришелся в воскресенье.
 В избе завклубом жарили, пекли.
 Готовили свежину и соленье.
 Хозяйки постарались, как могли.
 Хозяиничали матери и сестры,
 Невесты молодых призывников.
 Все было незатейливо и просто,
 В обычае байкальских рыбаков.

Призывникам, справляя на прощанье
 «Отвальную» —

Общественный обед,
 Проводим мы колхозное собрание,
 Передаем последний наш привет.

Колхоз на это дело не скупится,
 А сверх того, и каждая семья
 Зажитками готова поделиться:
 Призывники — родные сыновья.
 Еще в канун к завклубу приносили
 Икру, творог, дичину, осетров.
 (Колхозники пятнадцати фамилий
 В дороженьку готовили сынов.)

Потом знакомцы, кровные, родные
 Тащили в клуб налимов и гусей,
 Окорока медвежьи и свиные,
 Варенья и копченя всех мастей.

Пятнадцать самых ёдобных короваёв
Сготовили подружки рыбакам
С узорами от края и до края —
Из ягод —
«ВМФ» и «РККА»...

8

Пришлось нам с предколхоза постараться,
Мы взяли на себя ярмо забот.
К полудню гости будут собираться,
Обед затянется,
А в восемь — пароход,
И с ним уедет боевая смена.

Все надо во-время закончить и начать.
Столы в шеренгу сдвинем,
Стулья ближе к степам.
Льняные скатерти, как снежная парча,
Разостлашы без складки, без морщины.
Сто приборов!
Разнокалиберной посуды цельй взвод
Со всей деревни собирали на гостины;
Тарелки есть щербатые,
Да ничего, сойдет...
У нас не в ресторане.
Будет сыто,
И гости не обидятся на нас,
Откушав из посудыны побитой, —
Колхоз еще фарфора не запас.

Не будет также водки,—
Будет брага:
Густая, как весенняя смола,
Пахучая, сверкающая влага —
На солоде и с медом пополам.
Мы с предколхоза пробуем из жбана.
— Приятно!— председатель говорит,
Хлебнувши медовухи с полстакана.
— Умеет брагу бабушка варить.
— Наверно, и сама пожелует к обеду...
— А как же, обещалась быть.
Да вот.
Никак она?
Видали непоседу?..

9

Торжественно прабабушка идет.
На ней курмушка, стеганная ватой,
Лосевые сапожки и платок,—
Пуховый полушалок небогатый.
В руках,
Как будто сказочный цветок,—
Охапка огневых кистей рябины.

Не отвечая нам, она идет.
Глаза у ней, как темные глубины...
(Подумать только, сто четвертый год
Устиные Ильинские.)

Горделиво,
Справляя свой старушечий закон,
Она идет к портрету Сталина
И отдает поклон
Степенно, истово и молчаливо,
Потом уже здоровается с нами.
Мы, так же молча, кланяемся ей.

10

А в это время, хлопая дверями,
В клуб входит целая волна гостей:
Призывники толпой явились, сразу,
Ударники осенних промыслов
И вместе с партизаном Бедолазом
Парторг колхозный Николай Багров.
Он помахал рукою гармонистам,
Ему в ответ кивнули головой,
И грянул марш «Советские танкисты» —
Стремительный, задорный, боевой.

Зал ожил.

Оклики, рукопожатья, разговоры,
Смех девушек, басистое гуденье стариков,
Гремучие баянов переборы,
Шуршанье платьев,
Вспышки шелковых платков...
У всех сегодня праздничное настробье.
По-праздничному и одеты нынче все.

Отцы и матери, тая своё волнение,
Как будто и спокойные совсем,
Садятся за столы.

(Тут тоже не без планов):
Посредине,
Под самые знамена,
Садят в ряд
Призывников, парторга, партизанов;
Напротив них —
Родителей, ударников бригад,
Всю знать колхозную,
А дальше, за столами,
Усаживают остальных гостей.
Немного тесновато меж рядами,
Да, впрочем, так, пожалуй, веселей.
И в тесноте, да не в обиде...

Предколхоза
Постукивает вилкой о стакан
И начинает речь...

11

Язык Сибиря славился издревле,
От всех наречий был особняком.
Но говорит байкальская деревня
Советским, полнозвучным языком.

И я люблю колхозные собрания,
Где выступает с речью патриот,
Волнуя сердце яростью дерзання
И призывая к подвигам народ.

Такую речь я слышал на Байкале,
Навеки мне запомнилась она.
Притихшие сидели люди в зале,
Сосредоточенность была и тишина.
Суровые, обветренные лица.
Осенний полдень —
В окнах зыбкий свет,
Знамена, как взлетающие птицы,
И между ними — сталинский портрет.

12

Обычаем завещанное, слово
Взял Степа Буткин —
Лучший следопыт,
Краса и гордость наших звероловов.
Он по всему Байкалу знаменит.

Взволнованный, наш Степа поднял руку
И обещал,
От имени призывников,
Осваивать военную науку,
В любом бою разить любых врагов...

Тут он потряс пудовым кулачищем.
Сконфузился
И вдруг пробормотал:
— Медведя иногда щадили,
А врага отыщем —
Не пощадим..
Бить будем наповал!

Мы дружно хлопнули в ладоши..
Партизаны,
Расправив бороды и сивые усы,
Приподняли янтарные стаканы
И, словно гром, ударили басы:

Песня под боевым знаменем

Запевайте песню, командиры,
Боевое знамя ветер вьет!
С ним прошли походом по Сибири,
С ним пойдем и завтра мы в поход!

Запевайте песню дружным кругом,
Армия Советская верна!
Ветераны, встанем друг за другом,
Молодежь подтянет в голос нам.

Пулями пробитое, родное,
Знамя наше к подвигам зовет,
Знамя наше реет боевое..
С ним пойдем сегодня мы в поход.

1941 — 1942

ИРКУТЯНЕ В СТАЛИНГРАДЕ

...Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...
Пушкин.

...Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Беспрерывно гром гремел...

— Эй, земляки, далеко вы попали!
Ночь. Слякоть. Не видать ни зги.
Запели «Ермака», да оборвали.
И только слышно — грузные шаги
По деревянным сходям грохотали.
Людская лава скатывалась вниз —
На пристань, на понтон, на пароходы...

Казалось, что штыки с людьми срослись, —
Так шли пехотные сомкнувшиеся взводы.
Казалось, что тяжелые стволы
Закутанных чехлами минометов
По воздуху катились среди мглы,
Поднявшись на плечах своих расчетов.

А в небе, в пропасти,
Простреленной насквозь,
Гудело, выло, лязгало, рвалось.

Огромные светящиеся руки
Ощупывали тучи вкривь и вкось.
Земля дрожала от тоски и муки,
Вода хрипела возле якорей,
Горячий дым стеною падал в Волгу,
И с западного берега подолгу
Рычали глотки дальнобойных батарей.

Посадка шла без перебоев.
Каждый видел
Пылающий заречный Сталинград.
Сердца стучали в яростной обиде,
И каждый прижимал свой автомат
К себе,
К груди,
Скрывая в нетерпенье
Тревожное свое сердцебиенье.
А волноваться было отчего...

Далекый город в огненном тумане
По временам бесследно исчезал,
Потом, качаясь, словно на экране,
Неуловимо быстро возникал.
Казалось, он на помощь призывал,
Огромный, ослепительный, дымящий,
Притиснутый осадой к реке,
Полупочными бурями гремящий
Корабль...
Таким он показался вдалеке.

И чей-то голос, твердый и басистый,
Запеть опять пытался «Ермака»,
Но были пушки слишком голосисты
И незнакома темная река,
И в темноте не молнии летали —
Висели гроздь вражеских ракет...

И «Ермака» не спевши, оборвали.
Отчалили неслышно...
Только дед,
Усатый, старый волжский рулевой,
Тряхнув сурово лысой головой,
Перекрестившись крестом и строго
(Томила, видно, старика тревога),
Шептал в усы, пагнувшись над кормой:
— Сибиряки пришли... надежная подмога...

1942

ПАДУНСКИЙ ПОРОГ НА АНГАРЕ

Все глубже, глубже синева,
Вдали остались острова.
Разлив стремительной воды
Блестает россышью слюды —
Изломом волн гремит река,
Неизмеримо широка.
Табун взбесившихся коней —
Пять тысяч яростных камней, —
Поднявши головы плывут,
Гранитным голосом ревут
И, словно гривы над водой,
Вскипают пеною седой.

Не канонада землю рвет, —
Поток в ущелье грудью бьет:
Раздвинув горные хребты,
Падун стремится с высоты,
Тяжелый, ровный, мощный гул
Глухие дебри захлеснул...

Мои друзья — фронтовики,
Приятели и земляки, —

Все те, кто там бывал хоть раз,—
Я эту песню спел для вас.
Когда мы с вами выйдем в бой,
Припомним наш Падун родной.

Упорство камня в нас живет,
Неукротимо сердце бьет.
Могучей выдержкой сильны,
Мы — наподобие волны —
Всегда готовы наступать,
И нас врагу не задержать.
У нас характер Падуна —
Так доказала всем война:
Сибиряки в любом бою
Стоят за родину свою,
А если дан приказ — «вперед», —
Ничто назад не повернет.

1943

БАЯНДАЙ

(Песня)

Якутский тракт в раздолье снеговое
Перемахнул степями напролет.
Там Баяндай — село притрактовое,
Моя любовь и молодость живет.

Земляк, земляк! Припомни год счастливый.
Ты первый трактор вел для МТС.
Над Прибайкалем дымчатые гривы
Стеной предгорий встали до небес.

Крепчал мороз. Земля в сугробах стыла.
Знобящий сумрак вихрями кружил.
Но в нас кипела яростная сила.
Тогда я песню для тебя сложил:

Зима уйдет,
Растает хмарь седая,
Мы на весну погоду повернем.
Добраться б только нам до Баяндай,
А там, в тепле, мы славно отдохнем.

Село у нас — колхозная столица.
Угодья рядом — пашни и луга.
В полях густела тучная пшеница,
Зверьем и птицей славилась тайга.

Богато, сыто, весело мы жили.
Душа росла — спокойна и сильна.
И навсегда запомнят старожилы
Тот день, когда ударила война.

На сборный пункт пришли мы по приказу.
Июльский день, казалось, леденел.
Но земляки запели песню сразу,
И тот напев доньше уцелел:

Зима уйдет,
Растает хмарь седая,
Мы на весну погоду повернем.
Добраться б только нам до Баяндая,
А там, в тепле, мы славно отдохнем.

Слились недели в месяцы и годы,
Жестокый путь проходим мы с тобой;
Огнем бушуют вьюги-непогоды,
Грохочет сталью ветер фронтовой.

Мы под Москвой, потом под Сталинградом,
В одном полку встречаемся, земляк.
Под плащ-палаткой часто спали рядом,
Делили хлеб, и водку, и табак.

Сибиряки — советские солдаты —
Сроднились мы в бессмертные года.
И по ночам, готовы автоматы,
Бормочем мы тихонько иногда:

Зима уйдет,
Растает хмарь седая.
Мы на весну погоду повернем.
Добраться б только нам до Баяндая,
А там, в тепле, мы славно отдохнем.

Через Берлин дорога к Баяндаю.
Сквозь кровь и смерть проложим мы ее.
В родных домах давно нас ожидают,
С победой ждет Отечество мое.

Мы будем жить привольнее и краше,
Леса и пашни ярче будут цвести.
Края отцов, село родное наше,
Тебе песем любви сыновней весть.

Настанет час счастливой нашей встречи.
Вернемся мы, поход закончив свой,
И, распрямив натруженные плечи,
Споем на тракте утренней порой:

Зима уйдет,
Растает хмарь седая.
Мы на весну погоду повернем.
Добраться б только нам до Баяндая,
А там, в тепле, мы славно отдохнем,

1944

МОИ БАЙКАЛЬСКИЕ ЗНАКОМЦЫ

ПОСЛАНИЕ С БАЙКАЛА

Мы вместе ходили в море,
Разматывали невода.
Для нас в ледяном заторе
Тюлени паслись стада.

Мороз и студеный ветер,—
К ним сердце свое приучу.
Все буря, что есть на свете,
Мы встретим — плечо к плечу.

В погоду и в непогоду
Добыча от нас не уйдет.
Для нас сквозь свирепую воду
Густел омулевый ход,

Для нас серебрились белки,
Гусыни кричали с гнезд;
На отмелях, в бухтах мелких,
Купались узоры звезд.

Мы вместе на черных скалах
Ловили живьем соболей;
Под парусом вдоль Байкала
Прошли, не боясь камней.

О, молодость песен весною!
Мечта и любовь — моя!
Удача идет со мною,
Со мною идут друзья.

И там, где бывает туго,
Они помогают мне.
Мы держимся друг за другом,
И нет нас нигде сильнее.

По крови семья не родная,
Но родственней в мире нет.
В знакомцах себя узнавая,
Не вижу чужих примет.

Над синей байкальской чашей,
Прочнее гранитных скал,
Основою жизни нашей
Колхоз промысловый встал.

И пынче в любимой теме
Ударит напев волной.
Я вас познакомлю с теми,
Кто рядом идет со мной.

За молодость нашу, за славу,
За наш и отцовский труд
Былинный Байкал по праву
Советским теперь зовут.

1940

*ПОЛИКАРП ДВОЕДАН —
СЕТОВЩИК-БРИГАДИР*

Поликарп Двоедан —
Сетовщик-бригадир,
Он наследник лихих поморян..
По утрам, раздвигая байкальский туман,
Поглядеть, как на ловлю спешит Двоедан,
Молодая выходит заря.

Двоедан поднимается раньше зари.
На ущербные звезды взглянув,
Он плывет в челноке по рассветной волне
Омuleвую стаю искать в глубине,
Парусок над кормой развернув.

Свежий ветер попутчиком будет ему.
Двоедан объезжает залив.
По движенью, по блеску дремучей воды
Косяков омuleвых он чует следы.
Он на промысле нашем счастлив.

От отцов и от дедов — ловецкий талант
И вдобавок смекалка своя:
На учете он держит приметы ветров,

Знает рыбки повадки и путь косяков,
И покажет их вам, не тая.

Бригадира мы любим и верим ему.
Пусть он многих моложе из нас,
Но, когда мы закинем сетей своих стан,
Там, где нам указал бригадир Двоедан,
Знаем: будет добыча сейчас.

Много новых людей на советской земле,
Поликарп Двоедан из таких.
Он прославил рыбацье свое ремесло,
Парус, лодку, и сеть, и крутое весло.
Я ему посвящаю свой стих.

Вот каков он у нас, сетовщик-бригадир,
Гордость наших байкальских путин:
Весельчак и затейник, и первый танцор.
Не о нем ли девицы ведут разговор,
Возвращаясь домой с вечерин?..

Говорят, нынче женится наш Двоедан,
На мысу ставит новенький дом.
Будем свадьбу крутить и вино будем пить,
Молодым пожелаем столетье прожить...
Счастье добыто нашим трудом.

Сеть у нас не бывала пустой никогда,
Парусов ураган не сбивал.
Сетеставы ведем на воде и на льду
И рыбацкую песню поем на ходу:
«Наше море, советский Байкал!»

1940

НАСТЕНЬКА-РЫБАЧКА

Хороши рыбацки на Байкале, хороши..
Молодые девушки, как сосенки,
Все такие скромные, степенные,
Ниже пояса висят тугие косыньки,
На лицо — русалки белопенные.
Хороши рыбацки на Байкале, хороши..

Поглядишь, пожалуй, заглядишься ты..
И глаза у них у всех русалочки:
Голубые звезды да зеленые,
Брови ровные, как крылья галочки,
Губы, алым солнцем опаленные.
Поглядишь, пожалуй, заглядишься ты..

Много сказок сложено про девушек.
Говорят, была богиня древняя,
Афродита,— в пене волн рожденная.
Может быть... Но вот былина верная:
И у нас есть на море найденная..
Много сказок сложено про девушек.

Наш рассказ не сказка и не вымысел.
Вот идет в прибое наша Настенька,—

Уродилась девушка бездомная,
Раньше ей бы горе-жизнь злосчастная,
А она у нас, как дочь приемная.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.

Это было в годы партизанские.
На Байкале выловили лодочку
И нашли в ней лапотки крестьянские
Да девчонку чью-то, одногодочку.

Кто она без роду и без племени?
Так судьба ей, видно, пасудачила.
Окрестили Настей в скором времени.
Подросла и с нами зарыбачила.

Всем селом сиротку мы лелеяли,
Одевали — с миру по холстиночке.
Злую долю по ветру рассеяли,
Улыбнулось солнце сиротиночке.

И она росла, как зорька ясная,
Весела, пригожа и улыбчива.
Знать, была забота не напрасная,
Человечьей бедности отзывчива.

Нынче Настя — знатная колхозница.
В неводьбе за нею не угонишься.
Замуж время, девка только скромница.
Да такой ведь просто не поклонись.

Погляди, в прибой идет за неводом,
Волны бьют и дождик сеет частенько,
А она... Ну, что ей волны — невидаль!..
Погляди, красива наша Настенька?

Разве хуже той богини греческой
Афродита — девушка ловецкая?
Сам Байкал волной своей отеческой
Колыбель ее баюкал детскую.

Погляди... Глаза блестят зеленые,
Под платком тугие косы спрятаны,
Щеки алы, ветром накаленные,
Рукава до плечиков закатаны.

Погляди, какие руки белые!
На ладонях тут мозоли честные.
Трудовые девушки, умелые,
По всему Байкалу всем известные.

Поклонись! Да долго не заглядывай,
Не влюбись! Любовь ведь трудно вывести..
Так и быть, скажу тебе, угадывай:
Женишок находится поблизости.

Бригадиря видывал на катере?
Двоедан! Жениться собирается.
Гармонистов будет, слышишь, пятеро.
Нынче ловля свадьбой закрывается.

Пара будет — лучше и не встретится.
Поликарп и Настя, это — да!
Вот она идет, как зорька светится..
Не гляди-ка, друг ты мой, туда.

1941

ОМУЛЕВЫЙ ЛОВ

Желтый полог небес,
Будто шелк на заре.
Дым туманный исчез,
И вода в серебре —
В серебре от зари,
От светлеющих гор.

На становье горит,
Затухает костер.
Мы идем налегке,
Лодки словно летят.
В сетевом поплавке
Брызги света блестят.
Брызги света кругом.
Весла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули —
Круговой поворот:
Это сеть повели
Из сверкающих вод.

Из сверкающих вод
Омулевый нагул,
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах,
Тяжелей бечева.
Первый омуль в руках.
Сеть не рвется едва.
Сеть добычей полна,—
Рыбьи стаи густы...

Голубая волна
За кормой шелестит:
— Славься, мыс Онгурён!
Вы, круты берега!
Омуль ровный ядрен,
Чешуя — жемчуга,
Чешуя — жемчуга,
Омуль внешних путин.
Водяные луга,
Жатва синих глубин.

На восходе у скал
Якоря загремят:
— Славься, море Байкал,
Урожай твой богат!

ЗАГОН ЛОСЯ

Хрустким порохом по насту
Надвигается ненастье,
В луговинах пылью стелется,
Снежной россыпью метельца.

Закрутила,
Разметалась:
Догоняй, подп...
Сосны тянут лапы хвойные:
— Не тронь, уйди!
Кедры темные, косматые
Гудят вдогон,
Сучья гнутся узловатые
Со всех сторон.

Разошлись лесные тропы
Вкривь и вкось.
Поступь тяжкую торопит
Старый лось...
Ледяная пастовина
Режет ноги исполина,
Индевелые колышутся рога,
На загровке шерсть колюча и туга.

На ходу трясет губою,
Бьет лобастой головою
Сучья мерзлые сухие,
Топчет кочки снеговые,
В перелесках крутых
Напролом крушит кусты.
Мчится темный,
Мчится дикий
Все быстрее, быстрее, быстрее.
Пар струится из позорей...

А по следу кровавому,
По густому бурелому,
Вьюге северной навстречу,
Полушубок сбросив в снег,
Зарядив бердан картечью,
Краснолицый,
Молодой,
На летучих скользких лыжах,
Сквозь метель, все ближе, ближе
Гонит лося зверобой.

Гонит зверя Костя Буткин —
Баргузинский следопыт.
На гошбе — вторые сутки,
Дом и отдых позабыт.
Ветром,
Снегом,
Вьюгой сыт,

Сам как выюга —
Костя Буткин
Кличет шутки-прибаутки,
На бегу себя бодрит...

В сатишетовой рубахе,
Пестрый ворот распахнув,
Голой грудью гонит стужу,
Меж лесин проворно кружит,
С перевалов вихрем мчит:
Гонит,
Ухает,
Кричит...

Зверобой не знает страха.
Ветром сшиблена шапка,
И кудрявый клоч волос
Сединой покрыл мороз.

Тучи тянутся к закату,
Лютый ветер бьет тайгу,
Лыжи легкие с раскату
По болотине бегут.
След кровавый прибывает:
Лед копыта разбивает.
Лось, башкой мотая вяло,
Продирается устало —
Сквозь осинник,
Сквозь ольшаник,

Сквозь кедровый
Колкий сланник —
И, взметнув горбатый лоб,
Вязнет тушею в сугроб.

Надорвавшись, хрипло дышит,
Снег крупчатый жадно лижет.
Тает льдистая кора.
Глаз — кровавый. Шерсть — мокра.
Ловит ухо... Ближе, ближе...
Подвигается на лыжах,
В сатинетовой рубахе,
С голой грудью, весь в поту,
Краснолицый без папахи,—
Вскинул дуло на лету
Победитель молодой —
Баргузинский зверобой...

Приподнялся лось упрямо,
Поднял белые рога.
Но блеснуло — с громом — пламя,
И обрушилось в снега.
И, ломая наст каленый,
Рев раздался запаленный.
Зверь подпрыгнул и упал...

1939

БАРГУЗИНСКИЕ СОБОЛЯ

В Москве, мой друг, паверно, пышке жарко,
И если не на даче вы сейчас,
То, может быть, гуляя в Зоопарке,
Прочтете мой охотничий рассказ.

Но я прошу вас, прежде поглядите
Вольеры баргузинских соболей;
Об этом просит вас и мой родитель:
Мы с ним «соболевали» в феврале.

Недавно нам писали звероводы,
Что соболя освоились, живут,
Что чудеса искусственной природы
Естественность вполне воссоздают.

Я уважаю труд природоведа
И верю их испытанным словам.
Но мой старик, ворчун и непоседа,
Он говорит, что верит только вам.

Мне возражать ему, признаться, трудно.
Ведь вы с отцом объехали Байкал,
Вы расхвалили парусное судно,
А я его как раз... забраковал.

Вот мой старик и просит вас провести:
Как поживают наши соболя
И что им выдается для обеда?..
Эх, жаль, не дождался вы февраля!
Заказ пришел за вами тотчас, следом:
«Две пары срочно требует Москва...»

Явился предколхоза
Посоветоваться с дедом.
Да тут охотников не трудно отыскать:
В любой семье найдутся следопыты,
Потомственные соболевушки.
Сетями и ружьем здесь поколения сыты,
Мальчишки здесь и те — заядлые стрелки.

Охотничьи наследственные страсти
Передают у нас из рода в род.
На каждый призыв — в снайперские части
Колхоз наш пополнение дает.

Ну я отвлекся..
Право, к этим темам
Без нафоса мне трудно подойти.
Я начал вам письмо, но целая поэма
Внезапно зашумела на пути.
Я повинуюсь этому наптю,
Прислушиваюсь к ритму и словам,
Я вижу..
Как серебряною нптью
Струится снеговая синева;

Густые кедры стонут под метелью,
В кустах топорщится напуганный глухарь,
Седой изюбрь спускается к ущелью,
А на востоке розовый янтарь —
Заря.
Рассвет — февральских звезд наследник.
Косматый лес.
Глухие валуны...

Пред нами Баргузинский заповедник —
Сокровищница соболиная страны.

На промысел послали две бригады,
Заданье каждой было таково:
Взять самку и самца.
Обещаны награды
И премии.
Да мы и без того
Соболевать готовы.
В самом деле,
Ведь это увлекательнейший труд.
И жаль, мой друг, что вы не поглядели,
Как соболей в Баргузине живьем берут.

О, этот промысел — экзамен на терпенье.
И вам придется также потерпеть,
Пока закончу это отступление.
Чтоб в справочник вам не смотреть,
Скажу я вкратце:

Соболь — зверь причуды.
Живет он по распадам и ключам,
Где мелкий лес и каменные груды,
Где рябчики играют по ночам.

К таким местам не подобраться летом,
Да и следов не видно на земле.
Испытанный наукой и приметой,
Отлов живьем ведется в феврале.

Еще скажу, столичный мой повеса,
Что соболь целомудренный зверок.
Избрав себе подругу, рыцарь леса,
Он селится в любимый уголок.
Там скромно растит он потомство,
Добычиться приходит на ключи.

В любви он вам покажет превосходство —
Лишь смерть его с подругой разлучит...

...Но возвращаюсь к теме.
Восемь суток
Бродяжили мы трое: я, отец
И Прохор Беспровзванных.
Не до шуток
Нам было.
Перемучились вконец,
А следу нет.

Ущелья и пагорья,
Леса, болота, темные лога
Обшарили почти до Подлеморья,
А следу нет,— засыпала пурга.

Участок нам попался будто ладный,
На нем не промышляли шкода.
Зверь должен быть... А следу нет. Досадно.
В обрат идти — позорище, беда:
Ведь засмеют в колхозе.

Что им скажешь?
Что хлеб, мол, кончился, что съели сухари?
Так этим ничего ты не докажешь.
Пошел за соболями, хоть умри,
Пустым не возвращайся...

Восемь суток
Бродили мы меж каменных бугров.
Ночами, отыскав себе закуток,
В сугробах отдыхали без костров.
В собольем заповеднике законы:
Костров не жечь,
Собака с собой не брать.

...Лежишь в снегу и слушаешь трезвоны
Столетних лиственниц.
Вокруг — ночная падь,
Обветренные дебри... Романтично
Для вас, поэт, не правда ли?

А нам,
Возможно, потому, что все привычно,
Взгрустнулось, знаете, по... пирогам.
Кусок бы пирога горячего да чаю
Стаканов пять.

Блаженные мечты!

Но люди ведь всегда не замечают
Великого значения простоты.

А если б довелось вам две недели
Питаться мерзлым хлебом, спать в снегу
И вместо чая снег сосать в такой постели,
Тогда по-новому б вы поняли тайгу.

В середине дня, девятого по счету,
Когда нашли мы соболя следы,
Я оценил охотничью работу,
Напившись досыта сверкающей воды.

Наш соболь жил у самого истока
Немерзнувшего горного ключа.
Скользкий след по снежным заволокам
Супружескую пару отмечал.
Зверьки, конечно, нас зачуяли и скрылись
Куда-то в щель, в кустарники.
Но мы

Теперь уже совсем не торопились:
Два соболя окупят труд зимы.

На кольшиках вокруг собольей щели
Мы растянули шелковый «обмёт»,

Проверили бубенчики,
Чтоб явственней звенели,
Когда рванется соболь на проход.

Да, вы, я помню, очень удивлялись,
Увидев сети шелковой концы,
И с недоверьем, кажется, смеялись,
Когда вам показали бубенцы.
А вот они повисли на подвесках,
И шелковая сеть закрыла ход.

Мы залегли в снегу, средь солнечного блеска.
Идут часы.
Мы ждем,
И соболь где-то ждет.
Теперь одно осталось — ожиданье.
Зверь должен выйти, голод будет гнать.
Тая свой страх
И задержав дыханье,
Зверь выйдет
И тогда... не прозевать!

...День переходит в ночь. Ночь переходит в утро.
Луна сменяет солнце. Снова день.
Тускнеющим лиловым перламутром
В сугроб ложится призрачная тень.
Шумят деревья. Падают снежинки.
В березниках тетерки шабаршат,
Сороки суетятся — нелюдимки.

А мы лежим в сугробах, не дыша;
Отец в середине,
Прохор поправее,
А я под самой сетью...

В трех шагах —
Звериный след и щелочка темнеет.
Над головой корявые рога —
Огромная трухлявая лесина
Нависла надо мной.
Часы идут.
Под тяжестью моей сыпучая перина
Протаяла, осела.
А морозы — жгут,
С полуночи студено дует с моря.
Ждешь, не дождешься утренней зари.
Да тут еще — такое горе! —
Отец не позволяет закурить.

Грызешь сухарь, сосешь комочки снега,
Стараясь не двигаться.

...И вдруг
Выходит соболь. Прыгает с разбега
И, черной молнией разрезав белый круг,
Хрипит в сетях.
За ним, сейчас же, самка
Стремительно бросается вдогон.

И шелковая гибкая обманка
Рассыпала бубенчиковый звон.
От этих звуков соболи лютуют.
Запутываясь в тонких бечевах,
Тугую сеть раздвинуть не успеют,—
Она хрустит податливо в зубах,—
Но мы уже, с мешками наготове,
Хватаем их горячие тела...

Вот вам рассказ о соболином лове,
Венчающем охотничьи дела.

*Баргузин—Иркутск
1940 — 1941*

*МОЯ ПРАБАБУШКА
УСТИНЬЯ ИЛЬНИШНА*

Знакомы вы с моей прабабкой?
Не знакомы?
И на Байкале не бывали? В первый раз?
Так будьте гостем!
Милости прошу в хоромы,
Вы встретитесь с прабабушкой сейчас.

Я думаю, полюбите мою старушку.
Устинья Ильинишна —
На всем Байкале знатный человек...

Мой прадед здесь построил первую избушку,
Прабабушка — второй считает век,
Тут, на Байкале, люди кондовые,
По паспорту ей сто четыре,
А она
Твердит праправнукам,
Что годы молодые,
Что все моложе стали в наши времена.

Беззубая, вы говорите?
Ну так что же!
Да вот у вас —
Зубные пломбы в тридцать лет...
Мне иногда прабабка кажется моложе
Душою
Многих молодых...
Фантазия, — вы скажете, — поэт.
Но бытие Устиньи Ильинишны — это повесть
Простая и прекрасная, мой друг.
Сто лет у ней чиста младенческая совесть:
Ее не тронул гложущий недуг
Тоски или сомненья. Нет, —
Она жила педаром.

Безродная батрачка, сирота,
Она жила в соломе под амбаром,
Ее кормили голь и нищета
Суровым подаяньем —
Черным хлебом.
(Байкальская вода была ей молоком.)
Когда весна ее пришла, под звездным небом
Соплась моя прабабка с рыбаком.
То был мой прадед,
Поселенец ссыльный,
По слухам, из помещичьих крестьян.

Он полюбил Байкал, просторный и обильный,
И здесь, на пустыре, поставил первый стаг —

Бревенчатую, мшоновую хибарку.
Здесь поселился он,
И выросла семья.
На каждый год жена послала по подарку
Прапрадеду:
То дочь, то сына...
Вот вам родословная моя.

Сейчас в колхозе есть у нас бригада —
Засольщицы, старухи.
Ну, так вот —
Шесть бабушек, работающих рядом,
Мои родные,
Наш — известный род.

По всей округе ходит наше племя,
В колхозных станах ловит омулей.
И говорит прабабка: «Нынче — время,
Еще бы народила сыновей;
Для всех теперь, глядишь, нашлось бы место
И счастье бы для каждого нашлось...»

Скромна моя прабабка.
А известно,
Как трудно ей молоденькой жилось.
Уловами чужими богатели
Лишь прасолы да скупщики.
Рыбак —
До гробовой доски от колыбели —
Поденщиком ходил за четвертак.

Устинья Ильинишна на засолке
Работала с зарп и до зарп
(Наверно, плакала от мужа втихомолку,
Мозольные срезая пузыри).

Взгляните-ка, у ней спина какая:
Полвека, видно, согнутой была!
И лишь душа осталась молодая,—
Об этом говорят ее дела.
Двадцатый год мы помним!
Бедовала
Тогда Сибирь.
Прабабушка моя
С отрядом партизан прошла кругом Байкала,
И вместе с нею шла ее семья.

Все партизанили: отцы, дядья и деды,
Все под огнем мужали и росли.
И наши матери — знаменами победы —
Грудных ребят в боях с собой несли.
И правнуков своих в боях носила
Устинья Ильинишна.

Народ
Глядел и порешил: ребята — это сила,
Тут даже трус из боя не уйдет.
И, правда, мы не знали пораженья,
Хотя и отступали иногда.
(Как зарево — таежные сраженья
И моего мальчишества года.)

На каменном мысу похоронила
Устинья Ильинишна мужа.
Прадед спит,
И пынче партизанская могила
Байкальское раздолье сторожит.

...А вот, мой друг, прабабушка. Знакомься!
Беззубая, седая, но у ней
Есть правнуки, и внуки, и питомцы —
Опора возмужавших сыновей.
Седые волосы — почетная примета,
А эта поросль — слава и любовь. —
Прабабушка теперь счастлива и согрета,
Ее родная греет кровь.

..Устинья Ильинишна не болтлива
И сказчицей вовсе не слывет.
Но если вы не так уже спесивы,
То ласковое слово вам найдет,
Сумеет угостить вас омулями,
Отменной малосольною икрой,
Домашними ржаными пирогами
И даст стакан настойки золотой.

«Черемуховый цвет» — зовется та настойка:
Целебна, говорят,
В болезнях сердца и ума.
Ильинишна — большая хлебосолка
И с гостем выпьет рюмочку сама.

Степенно, по старушечьим законам.
Она оглянет вас, оценит на-глазок.
«Гостите дольше», — скажет вам с поклоном.
Потом скромненько сядет в уголок.

Прабабушка Устинья глуховата,
Но взгляд имеет зоркий и прямой.
Она житейской мудростью богата
И сразу вас поймет, приятель мой.
Что на душе у вас сегодня,
Сердцем видит,
Что на сердце у вас,
Душой своей поймет,
И никого напрасно не обидит,
И похвалы пустой не раздает.

Прабабушка еще не «издивенка»,
Хотя почетный отдых ей готов.
Байкальская рыбачка-уроженка,
Она ведет починку неводов,
Толкует нам, что скучно без работы,
И рада, что заделье по рукам.

С починкой у нее свои заботы
И все-таки поближе к рыбакам.
Да! Шутка ли сказать,
Свое оставить дело,
Когда сроднишься с ним...

Прабабушка права.
Работает не быстро, но умело.
Покорна ей тугая бечева..
И нам с тобою надо поклониться
Пониже, попочтительнее
Ей,
Которою Байкал родной гордится,
Как лучшею из наших матерей.

1941

ВЕЧЕРИНЫ

А. А. Кузнецовой

1

Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу.
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу.

На гранитных темных крутоярах
Леденеют лапы якорей,
Позабыты певода в амбарах,
Зимний лов начнется в январе.

А сейчас — досужие заимки —
Время свадеб, девичьих забот.
Всюду шьют обновки да повинки.
На Байкале так из года в год:

Между двух путей, до ледостоя,
Получив сполна по трудодням,
Веселится племя холостое —
Вся моя байкальская родня.

Рыбаки, рыбацки, мотористы,
Бондаря, засольщицы, гребцы —
Шутники, танцоры, гармонисты
И свои, ловедкие, певцы.

Все народ веселый да задорный,
Закален ветрами и водой.
Как пойдут по улице Подгорной —
Словно лес шагает молодой.

Высоки, стройны, широкоплечи —
В три ряда по улице идут.
К ним выходят девушки навстречу,
Баянистам песню задают.

И звенит над берегом Байкала
Чей-то голос, ласковый такой,
И выходит первый запевала,
Помахавши девушкам рукой.

«Эх, ты Подгорна, ты Подгорна,
Развесела улица!
На тебе, моя Подгорна,
Милая балуетца.

Выйдет, — глянет,
Павой встанет,
Полушалок развернет.
Говорит, что не обманет,
А руки не подает.

Что ж ты павой выступаешь?
Расскажи, куда идешь?
Провожу, коль пожелаешь,
Ты дороги не найдешь».

Распахнув цветные полусапки,
Будто стая сказочных жар-птиц,
Усмехнутся наши молодайки,
Подтолкнут застенчивых девиц.

И пойдет навстречу баянистам,
Раздвигая плечиком парней,
И взмахнет платочком из батиста
Та, чьи косы поченьки темней.

Гордо топнет желтенькой ботинкой,
А потом лукаво, покраснев,
Соловьем зальется невидимкой,
И подхватят девушки припев:

«Ты, Подгорна, ты Подгорна,
Развесела улица.
На тебе, моя Подгорна,
На меня любятутца.

Где ни встану,
Как ни гляну,—
Милый краше не найдет.
Полоблю, так без обману,
Только... пусть он подождет.

Вьет метелица перины,
Широка родная надь.
Мы идем на вечерины,
Разрешаем провожать».

И пойдут по улице Подгорной
Все мои знакомцы и друзья,
Плясовою поступью проворной
Над обрывом берега скользя.

На мысу, за черными камнями,
Под шатровой крышей новый дом —
Клуб колхозный — светится огнями,
Там сегодня время проведем.

2

Нынче наши вечерины.
Торошитесь поскорей.
Две подруженьки-девчонны
Встали около дверей.

Всех с поклонами встречают,
За рукав шутя берут —
Раздеваться приглашают..
Что ты будешь делать тут?

Непривычно это дело,
Да не станешь рассуждать.
Раньше в шубах мы сидели,
А теперь велят снимать.

Девки тешатся, голубки.
В кучу шубы, полушубки.
Куртки, шапки, рукавицы
Прибирают молодицы,—
Так-то лучше и видней,
У кого костюм модней.

Парни все в суконных «тройках»,
В пестрых галстуках форсят,
Все в сорочках-разнокройках,
И у всех значки висят.

По два, по три, по четыре...
Вот они, сибиряки,
Что ни грудь — то выше, шире...
Ворошиловцы-стрелки,

ГТО, парашютисты...
Любо глянуть на ребят,
Принаряжены и чисты,
Вышли будто на парад.

Девки модой щеголяют,
Не уступят городским.
Щеки заревом пылают,
И румян не надо им.

Все цвета и все оттенки.
Роза к лебедю плывет.
Ну-ка, встанем, друг, у стенки,—
Начинают хоровод.

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают,
Ленты пышные блестят,
Платя в танце шелестят.

Пара к паре,
Пара к паре.
Кто-то звякнул на гитаре,
А в углу, наискосок,
Взмы свирельный голосок:

«Полюбила я его,
Полюбила, милая,
Для него, для одного
Всех других забыла я...»

Три кудрявых баяниста
Развели ладами враз,
И ответил голосисто
Молодой рыбацкий бас:

«Она, моя милая,
Сердце мое выпула,
Сердце мое выпула
Да в Байкал закинула...»

Тут баяны и гитары
Заиграли сразу — вдруг.

Разошлись, распались пары,
Все танцоры встали в круг.

Звонко хлопнули в ладошки,
Дружно за руки взялись.

Покачнулись,

Развернулись,

Закружились,

Понеслись.

Вправо — влево,

Влево — вправо.

Плясовая мчит забава.

Баянисты-игроки

Поскидали пиджаки.

Обещанья, крики, шутки,

Взгляды милые зовут,

Смех, улыбки,

Прибаутки

Подгоняют

И несут:

Влево — вправо,

Вправо — влево.

Хоровод летит с припевом.

Все играют,

Все поют,

Гитаристы пальцы рвут.

Лампы-молнии сверкают,

Косы девичьи взлетают.

Чётко топот каблуков.
Реют крылья мотыльков —
Реют девичьи косынки.
Хороши вы, вечеринки,
Жарко в сердце бьется кровь.
Радость, молодость, любовь!

1941

БАЙКАЛЬСКОЕ СЕРДЦЕ

М. К. Азадовскому.

Говорят, Байкал — седой!
Ты не верь,
Он такой же молодой
И теперь.

Это ты, мой милый друг,
Стал сесть,
И тебе уж недосуг
Песни петь.

Острова лазурной мглы
Далеки.
Стали весла тяжелы
Для руки.

В бурю парус озорной
Не поднять,
Серых чаек над волной
Не гонять.

Постарели мы с тобой
Навсегда.
Но шумит, поет прибой,
Бьет вода.

Молодой вскипает шквал
В устьях рек.
Дышит вечностью Байкал
Сотый век.

Погляди же на него,
Будь таким,
Волей сердца своего
Молодым.

Нашим мужеством сильна,
Жизнь зовет.
Пусть же в душу седина
Не войдет.

Ст. Байкал.
1944

УТРО НА ВИТИМЕ

Ветер северный, душь
На реку —
На Тулдушь!
На таежную гарь
Снегопадом ударь!
Тучи спят на горах,
Холодны и темны.
В ледяных валунах
Желтый коготь луны.
Ты, звезда моя, встань,
Слушай бег падунов!
Бубном бьет глухомань,—
Черный гром с берегов.
На медвежьем следу,
По расщелинам льда
Рвется в скалах Тулдушь —
Голубая вода.
Ветер западный, душь
На реку —
На Тулдушь!
Смолюю пахнет сосна,
Входит в горы весна.

Родниковой водой
Разольется река,
Золотою слюдой
Заблестят облака.
Подрывая гранит,
По ущельям глухим
Водопад загремит
И сорвется в Витим.
Так и песня моя,
Голос северный мой,
Славит наши края,
Льется теплой волной.
И навстречу весне
По дорогам глухим
Наяву и во сне
Половодит Витим.

1938

ВЕСНА В БУРУЛЬЗАЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний, радующий день.
Молодыми, острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло теплые лучи.
— Здравствуй, друг мой,— солнцу я отвечу,
И олень копытом застучит.

Положу седло по кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Перекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим.

Там живет хорошая такая —
Поневоле можно полюбить:
Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь,—долго не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.

Если
т

— ей со мною по дороге,
а с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горноста,
Коготь рыси, лебедя крыло,
Чтобы, вместе с песней вырастая,
Наше счастье солнцем расцвело.

1939

МАЙ—МЕСЯЦ ЛЮБВИ

Бурый мех горностап —
Прячут в сутемь ложбин.
Осетровые стап
Поднялись из глубин.

На кедровнике почки
Налились теплотой.
Топчет ржавые кочки
Мой олень молодой.

Путь на север, в кочевья,
Вешний ветер промял;
Расступились деревья,
Снег в сугробах опал.

Лебединые крики
По утрам горячи.
Через хвойные пики
Солнце тянет лучи.

Солнце тянет высоко
Золотое перо.

Твой костер педалеко,
Твой шатер под горой.

Полюбить не прикажешь:
Или он, или я..
Что сегодня мне скажешь,
Северянка моя?

1939

СЕНТЯБРЬ—МЕСЯЦ РАЗЛУКИ

Ветер поет в ущелье,
Снег осыпает горы.
Осень на новоселе
Вяжет свои узоры.

С инеем не
Смотришь, не
Слышишь ты
Сердце плечо чужому,
Не ведаешь вести,
Не отдашь другому.

Цепким стальным кашканом
Ревность меня сдвинула:
Было ли все обманом
Или ты разлюбила?

В юртах идет укладка
В зимнее кочеванье.
Как я скажу украдкой
Горькое: «До свиданья»?..

Птица простилась с летом,
Белка ушла в низину.
Осень своей приметой
Тянется к Баргузину.

1939

РАЗЛУКА

Рыжеватое утро встало
На излучинах берегов —
Чахлой пивой да черногалам
Лесотундровых островов.

Там, на Хатанге, ждут олени,
Тонкорогие вожаки.
От кочевий до поселений
Путь-дороженьки далеки.

С пароходным гудком разлуки
День тускнеет береговой,
И разорваны наши руки:
— До свиданья, товарищ мой!

Ты пройдешь знатоком пустыни
В неизведанные края.
Под тобою протают льдины,
Но не дрогнет нога твоя.

И когда тебя скроют ветры,
Ты почувствуешь, как близка —
Через чащи и облака,
Через тысячи километров —
Дружбы ласковая рука.

ОСЕНЬ НА РЕКЕ ИНДИГИРКЕ

Грузные сизые гуси
Гулко полощут крылами.
В дымном, полунощном небе
Солнце сгорело до тла.
Зайцы полярные трусят,
Филин гнездуется на камень.
Лунный обломанный гребень
Тупит промокшая мгла.
Сентябрь поднимает погоду —
Гремучую черную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным густым серебром.
Курчавится шерсть горностая,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым хребтом.

1940

ПРИБОЙ НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОНЕ

Пушечный сдавленный гром,
Наковален тягучий звон:
Это байкальский шторм
Рвется на остров Ольхон.

Полчищем пенистых грив
Бьется крутой прибой,
Камень водой напоив,
Ревет боевой трубой.

Ударь, ударь, ударь!
Тверд и могуч Ольхон,
Гранитом одета ярь
Его четырех сторон.

В разбег,
В набег,
В разгон.
Раскачивая волну,
Обрушивай тысячи тонн
На каменную вышину.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится пеной прибой.
Камень воды верней —
Он принимает бой.

Так бы и мне стоять —
Грудью ветрам в упор,
Темные волны мять,
Славить родной простор.

Твердость у камня взяв,
Остров Ольхон, с тобой,
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.

*О. Ольхон на Байкале.
1941*

СОДЕРЖАНИЕ

Песня	3
-----------------	---

Стихи о сибирской дивизии

Солдатские проводы	5
Иркутяне в Сталинграде	21
Падунский порог на Ангаре	24
Баяндай	26

Мои байкальские знакомцы

Послание с Байкала	29
Поликарп Двоедан — сетовщик-бригадир	31
Настенька-рыбачка	34
Омулевый лов	38
Загон лося	40
Баргузинские соболя	44
Моя прабабушка Устинья Ильинична	53
Вечерины	60

Утро на Витиме

Байкальское сердце	68
Утро на Витиме	70
Весна в Бурульзае	72
Май — месяц любви	74
Сентябрь — месяц разлуки	76
Разлука	77
Осень на реке Индигирке	78
Прибой на острове Ольхоне	79

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ“

П О Э З И Я

Вышли и поступили в продажу

О. БЕРГГОЛЬЦ. Ленинград. Стихи и поэмы.
Стр. 80.

С. ГУДЗЕНКО. Однополчане. Стихи. Стр. 48.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ. Вера в победу. Стихи
1941—43 гг. Стр. 128.

М. МАТУСОВСКИЙ. Когда шумит Ильмень-
озеро. Стихи. Стр. 72.

А. РЫЛЕНКОВ. Отчий дом. Стихи. Стр. 136.

Б. ПАСТЕРНАК. Земной простор. Стихи. Стр. 47.

К. СИМОНОВ. Война. Стихи 1937—1943 гг. Стр. 148.

Р. СТИЙЕНСКИЙ. Освета. Поэмы и стихи. Стр. 96.

А. СУРКОВ. Россия карающая. Стихи 1943 года.
Стр. 100.

ПРОСВЕ
1941
г. БРЕВТОВ

Редактор С. Обрадович
Художник А. Усачев

А-13043. Подп. к печати 21 II 1945 г.
Печ. л. 2⁵/₈ Авт. л. 3,32 Уч. изд. л. 3,42
Заказ 2838. Тираж 10.000. Цена 4 р.

6-я типография треста „Полиграфкнига“
ОГИЗ при СНК РСФСР
Москва, 1-й Самотечный пер., 17.